

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Путило Анны Олеговны на тему «Козьма Прутков в русской литературе
первой половины XX века: рецепция образа и традиции творчества»
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Актуальность диссертационной работы А.О. Путило заслуживает отдельного разговора. Исследование рецепции образа и творчества Козьмы Пруткова представляется не только крайне значимым, но и необходимым условием для понимания важных и противоречивых тенденций, характеризующих русскую литературу первой половины XX века.

Специфика масштабного прутковского «присутствия» в пространстве русской литературы этого периода определяется, безусловно, феноменом личности «квазипоэта» и его творческого наследия. Причины их особенной актуальности для русских писателей первой половины XX века диссертант обоснованно видит в интенции, ставшей одной из доминант в творческих исканиях и способах самореализации русских писателей этого периода (в стремлении к игре, литературному шутовству, мистификациям), а также в разносторонности интересов Пруткова, «интеграции данного образа во все сферы жизни общества» (с. 58), в «ребяческом наслаждении», говоря словами «опекунов» квазипоэта, с которым он творил стихотворения и драмы, составлял азбуку для детей, пытался осмыслить философские проблемы или предлагал социальные проекты.

Но столь же феноменальной представляется способность прутковских творений предсказывать новые векторы в развитии литературы. Пародируемые создателями бессмертного Козьмы Пруткова литературные приемы дают импульс к новациям – в поэзии и драматургии конца XIX – первой половины XX века. Причем речь идет не о сатирических поэзии и драматургии, а о «серьезных» произведениях. Писатели начала XX века слышали «твердый голос» Козьмы Пруткова в «новаторских мнениях» Игоря Северянина (о чем диссертант со ссылкой на Гумилева пишет на с. 31

диссертации). Современными исследователями уже отмечены параллели между пьесами Козьмы Пруткова и А. П. Чехова, намечена, хотя и не исследована связь между комической музой Пруткова и «суровой и мужественной ироничностью Блока». И эта связь действительно очевидна, например, в «Балаганчике», герои которого демонстративно и прямолинейно играют разными значениями слов, как будто пародируя пародии Пруткова.

Та же прутковская игра смыслами слов и одновременно игра параллельными вариантами, вполне возможно, вдохновляет Ф. Сологуба, автора драмы «Ванька Ключник и паж Жеан». Не менее отчетливый «твердый голос» Пруткова, уже лирика, автора стихотворений «Мой портрет» и пародии «Желания поэта», можно услышать в некоторых лирических откровениях К. Бальмонта, например: «О да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный, / Сын солнца, я – поэт, сын разума, я – царь». В них легко увидеть и прутковский эпатаж, и характерное для Пруткова «открытое восхищение собственной гениальностью» (автореферат, с. 11).

«Прутковский» слой можно найти в творчестве раннего А. Белого, причем речь также идет не о пародиях. Например, в одном из самых трагических стихотворений А. Белого «Отпевание» звучит прутковский мотив «пук цветов», который А. Жолковский, а вслед за ним и автор диссертации (с. 99, 130, 139 и др.) считают «образцовым оксюмороном» и примером «обсценной лексики». Однако строки А. Белого («Без слов / Вознес мой друг – / Меж искристых блесков парчи – / Малиновый пук / Цветов... / Вокруг – Невеста, любовница, друг / И цветов малиновый пук»), несмотря на то, что могут восприниматься как «литературное припоминание» строчек Козьмы Пруткова, не содержат (во всяком случае, для их автора) иронического подтекста и «установку на скабрзность», которую А. Жолковский видел в творчестве Пруткова, может быть, потому, что для поэта начала XX века «пук цветов» означал только «букет цветов», но, возможно, и потому, что «установка на скабрзность» в произведениях Пруткова преувеличена исследователями: она, думается, не вполне и соответствует образу человека,

которому «все человеческое чуждо», по определению его «опекунов» (см. письмо В. М. Жемчужникова А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г.).

Отдельного, специального исследования заслуживает, на наш взгляд, и анализ разножанрового «прутковского» слоя в творчестве обэриутов и имажинистов (прежде всего, В. Шершеневича).

Столь подробный разговор о разных (далеко не исчерпанных указанными выше) фактах и формах «присутствия» Козьмы Пруткова в пространстве русской литературы первой половины XX века – «смеховом» и «серьезном» – представляется необходимым, чтобы подчеркнуть значимость, *актуальность*, сложность и перспективность исследовательской задачи, поставленной и впервые последовательно и комплексно решаемой в диссертации А. О. Путило.

Несомненное достоинство работы А. О. Путило – включение в исследовательское поле весьма объемного корпуса произведений, объединенных иногда более, иногда менее отчетливыми следами влияния Пруткова. Эти разножанровые произведения, многие из которых еще не привлекали внимания литературоведов или были найдены диссертантом в результате архивных разысканий, представлены, как правило, в контексте творчества их авторов, а главное – систематизированы диссертантом. Предложенная, и весьма убедительная, систематизация производных произведений, основанная на разных формах «присутствия» в них Пруткова (его имени, образа, традиций) и определяющая логику исследования и в первой, и во второй главах, позволяет увидеть основные векторы, по которым идет освоение творческого наследия Козьмы Пруткова в первой половине XX века, и показать доминирующие формы бытования традиций Козьмы Пруткова – квазиличности, квазипоэта, квазифилософа в творчестве сознательно и подсознательно вспоминающих о «великом предшественнике» русских писателей.

Сложность исследования, предпринятого А. О. Путило, и одновременно еще одно из его достоинств – в его двунаправленности: в центре авторского

внимания оказываются как новации доминирующих жанров в творчестве Козьмы Пруткова и характерно-прутковские приемы, так и специфика функционирования жанровых и стилевых традиций Пруткова в творчестве писателей первой половины XX века.

«Двунаправленность» исследования и тенденция к систематизации весьма масштабного материала определили и структуру диссертационной работы, которая представляется продуманной и логичной: она позволяет сосредоточиться как на разных аспектах образа и творчества Козьмы Пруткова, так и на разных формах их трансформации в русской литературе первой половины XX века, в том числе и на паратекстуальных средствах, позволяющих последователям актуализировать образ Пруткова и его «плоды раздумья».

Обоснованно руководствуясь мудрым советом, который не раз повторял Козьма Прутков: «Нельзя объять необъятное», автор диссертации обращается к исследованию приоритетных для Козьмы Пруткова жанров, оказавшихся, по мнению А. О. Путило, наиболее востребованными и его последователями: к жанрам пародии, басни и афоризма. Это исследование ведется в контексте традиций этих жанров, что и позволяет диссертанту выявить новации Козьмы Пруткова (автора пародий, басен, эпиграмм или афоризмов) и проследить их трансформации в произведениях, созданных в XX веке.

Как правило, диссертант стремится вовлечь в исследование все уровни анализируемых текстов. В параграфах, посвященных жанровым новациям Пруткова, особенно отметим верные и глубокие наблюдения о разных уровнях «игры со смыслом», о композиции прутковских афоризмов, о функциях лейтмотивов, комментариев и примечаний. Интересными и обоснованными представляются и утверждения о своеобразной интриге, возникшей между «опекунами» и созданной ими литературной маской, о формировании новых смыслов творений Козьмы Пруткова, которые актуализирует именно феномен образа их «творца». То же внимание к разным уровням текста, как правило, характерно и для анализа производных произведений, в который могут быть

включены (и обоснованно) даже описания принципов их оформления и бытования в авторских архивах, что (например, в исследовании «прутковского» слоя в творчестве Дон Аминадо) позволяет увидеть дополнительные формы прутковского «присутствия».

Однако в некоторых случаях систематизирующий характер работы заставляет диссертанта ограничиться поверхностными наблюдениями. В частности, рассматривая в первой главе такую форму функционирования образа Пруткова в начале XX века, как мемуары о поэте, А. О. Путило в меньшей степени акцентирует внимание на пародийном подтексте псевдомемуаров. А между тем, в мемуарах о квазипоэте можно увидеть характерный для пародий, в том числе прутковских пародий, «двойной план». Иначе говоря, авторы воспоминаний о Пруткове выступают именно продолжателями его традиций. Например, в воспоминаниях А. Аверченко признания мифического Пруткова: «Я пишу для вечности, а не для читателя» (с. 68), прутковское определение смысла творчества как «углубления» в Вечное или прутковская же мысль о мировой гармонии, отразившейся в капле воды (с. 64), скорее всего, вдохновлены не только свойственным Пруткову упоенным самолюбованием, но и пародированием символистских апелляций к Вечности – устойчивого лейтмотива их произведений.

Возможность поиска «двойного плана» мемуаров, кстати, соответствует наблюдениям диссертанта, справедливо полагающего, что актуальность образа Козьмы Пруткова для ряда писателей начала XX века определялась, в том числе, полемикой с символистами как наследниками традиций романтизма (автореферат, с. 10). Думается, полемику с символистскими приемами можно увидеть и в настойчивом акцентировании эпитета «старый» в описании А. Буховым мифической встречи с «Косьмой Прутковым»: «Мы сидели с Косьмой Прутковым в натопленной гостиной, пили старое венгерское, курили старые сигары, играли на старых скрипках и будили старые воспоминания» (с. 69). Вполне вероятен и здесь «двойной объект пародирования»: переизбыток этого эпитета может быть «игрой стилем»

(воспользуемся выражением Ю. Тынянова) А. Белого, акцентирующего мотив старости в ряде ранних произведений, в том числе в «Северной симфонии» и стихотворении «Старинный друг».

В некоторых случаях А. О. Путило указывает дополнительный объект пародирования, отмечая, например, в воспоминаниях Аверченко, упоминающего о служанке, по имени Мавра, аллюзию на стихотворение Саши Черного «Недоразумение», где упомянута служанка с таким же именем. Но, думается, более справедливым представляется другое замечание диссертанта – о распространенности этого имени в произведениях русских писателей (к которым добавим и А. Пушкина, автора «Домика в Коломне», где «героиня», по имени Мавра, участвует в мистификации). Что же касается стихотворения Саши Черного «Недоразумение», то возможность видеть аллюзию на него в мемуарах Аверченко представляется не очень убедительной. Но само стихотворение Саши Черного, на наш взгляд, заслуживает включения в исследование прутковского влияния, так как несомненно содержит прутковские приемы и может быть прочитано как пародия в стиле Козьмы Пруткова: сравнение неудачливого героя-любownika с кентавром, как и комплекс опорных мотивов, могут быть истолкованы как аллюзия на ранние произведения А. Белого, на заполнивших его ранние стихотворения героев-кентавров.

Можно дополнить и еще одну параллель, указанную А. О. Путило при анализе стихотворения уже самого Козьмы Пруткова «Мой портрет»: мотив «змея в груди», думается, содержит аллюзию не только на пушкинского «Пророка» (с. 86), но и на стихотворение Ф. Тютчева «Два демона ему служили...», посвященного Наполеону: «В его главе – орлы парили, / В его груди – змеи вились...». Такая аллюзия (если она действительно предполагалась) позволяла «опекунам» имплицитно указать и на наполеоновские претензии их создания.

В целом убедительными, перспективными и обоснованными представляются параллели между прутковскими баснями и афоризмами и

многочисленными производными произведениями первой половины XX века во второй главе. Спорным кажется только утверждение автора диссертации о «неопровержимости» «сюжетной общности» басни Пруtkова «Пастух, молоко и читатель» и стихотворения Д. Хармса «Из дома вышел человек» (с. 154). Основанием для утверждения становятся открытый финал и отсутствие развязки в двух произведениях, хотя автор диссертации и оговаривается, что «идея производного текста имеет иные историко-культурные основания» (с. 154). Однако сами «иные историко-культурные основания» все же «перевешивают», мешая видеть какое-либо сходство произведений. Возможно, более оправданным было бы обращение к стихотворению Хармса «Шел Петров однажды в лес...», в котором пародирование бергсонских идей соединяется с прутковскими приемами, в том числе, открытым финалом и акцентированием абсурдности исчезновения одного из героев.

Высказанные замечания, как можно видеть, имеют в основном полемический характер. В свою очередь, полемические соображения также свидетельствуют о творческой состоятельности диссертации А. О. Путило и о ее перспективности. Открытый автором, вовлеченный в научный оборот и глубоко исследованный объемный литературный материал, нередко очень значительный по творческому потенциалу (разножанровые произведения А. Аверченко, А. Бухова, П. Потемкина, А. Шполянского и других писателей, вдохновленных образом и творческим наследием Козьмы Пруtkова), не только создает представление о значительности прутковского влияния, о сосуществовании различных тенденций, порожденных прутковскими традициями, об имплицитных и эксплицированных формах «присутствия» Пруtkова в пространстве русской литературы, но и в целом дополняет картину литературных исканий первой половины XX века.

Итоги исследования могут найти практическое применение в курсах по истории русской литературы первой половины XIX и первой половины XX в., в спецкурсах, посвященных творчеству Козьмы Пруtkова и его «генетических наследников».

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Основательная апробация работы, отразившаяся в публикациях, в том числе на страницах авторитетных изданий, также дает основания для итогового вывода: диссертация А. О. Путило «Козьма Прутков в русской литературе первой половины XX века: рецепция образа и традиции творчества» соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24. 09. 2013 г. № 842, а ее автор Путило Анна Олеговна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук
(10.01.01 – Русская литература), доцент, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского»

Мокина

Наталья Васильевна Мокина

20. 11. 2018

Контактная информация:
Адрес: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
Тел.: 8(8452) 21-06-48
E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru

СПИСОК

основных научных трудов официального оппонента
доктора филологических наук Наталии Васильевны Мокиной
по теме диссертации Анны Олеговны Путило
«Козьма Прутков в русской литературе первой половины XX века:
рецепция образа и традиции творчества»

1. Мокина Н. В. Поэтика романа Андрея Белого «Серебряный голубь»: Монография. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2014. – 434 с.

2. Мокина Н. В. Мотивы "Тяжелой ноши" и "Свободной жизни" в романе Ф. Сологуба "Тяжелые сны": к проблеме источников // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 5. – С. 100 – 107.

3. Мокина Н. В. "Язык цветов" в романе Ф. Сологуба "Тяжелые сны": к проблеме "верности вещам" в поэтике символистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. № 3. – С. 82 – 89.

4. Мокина Н. В. Профессор – пес – звезда: идея преобразования человека в романе А. Белого "Москва" и повести М. Булгакова "Собачье сердце" // Эпоха "Великого перелома" в истории культуры. Сборник научных статей / Под редакцией: И. Ю. Иванюпиной, И. А. Тарасовой. – Саратов, 2015. – С. 112 – 129.

5. Мокина Н. В., Мокин Б. И. "Дионисический дух" в интерпретации Ф. Ницше и Ф. Сологуба // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. № 4. – С. 393 – 398.

6. Мокина Н. В. Тургенев и символисты: к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 1. Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева «Дым» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Новая серия. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С.407 – 413.

7. Мокина Н. В., Мокин Б. И. Семен Франк и Андрей Белый: "диалог" о душе человека на фоне духовных исканий их современников // Парадигма: философско-культурологический альманах. СПб., 2017. № 27 (27). С. 162 – 177.

8. Мокина Н. В. Вл. Соловьев и Ф. Сологуб: к проблеме источников романа "Мелкий бес" // Проблемы филологического образования. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Издательство ИЦ "Наука", 2017. – С. 162 – 168.

9. Мокина Н. В. Тургенев и символисты: к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 2: Прием «частичного двойничества» и «парные сцены» в романе «Дым» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Новая серия. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 64 – 69.

10. Мокина Н. В. Э. Золя и Ф. Сологуб: к проблеме источников коллизий и приемов в романе Сологуба «Мелкий бес» // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Новая серия. – 2018. – Т. 18. – Вып. 3. – С.292 – 297.

11. Мокина Н. В. Проблематика и поэтика повести Г. И. Чулкова «Вредитель» // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К столетию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина: сборник научных статей. – Саратов, 2018. – С. 163 – 171.

12. Мокина Н. В. «Фантастический рассказ» Ф. М. Достоевского «Кроткая» и повесть А. П. Чехова «Жена»: к проблеме «диалога» писателей // Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3-5 октября 2016 г.): Сборник научных трудов. – М., 2018. – С. 276 – 291.

Доктор филологических наук
(10.01.01 – Русская литература), доцент, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского»

Мокина

Наталья Васильевна Мокина

20 ноября 2018 г.
г. Саратов

Контактная информация:
Адрес: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
Тел.: 8(8452) 21-06-48
E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru
Официальный сайт организации: www.sgu.ru

